

После "инцидента в душе", когда оба его полных и подтянутых члена семьи попытались склонить его к запретному кровосмесительству, Джон Херрон поклялся не поддаваться их соблазнам. По его мнению, если и его мать Джейн, и его сестра Джен имели в городе репутацию трахающих все, что движется (включая, но не ограничиваясь, священнослужителей, преподавателей и учеников старшей школы, курьеров, кухонные приборы с фаллоимитаторами), это не означало, что он должен пополнить и без того щекотливую репутацию семьи, трахнув собственную мать, а другого выражения для этого просто не существовало. Нет, наоборот - он твердо решил жить нормальной жизнью, пока ему не исполнится 18 лет и он не сможет переехать из сумасшедшего дома.

Они не собирались облегчать ему задачу. На следующее утро его мать созвала за завтраком "семейное собрание" и объявила, что по состоянию здоровья мастурбация в семье Херронов больше не допускается. Это постановление было принято, когда она стояла у кухонного стола, блестя от пота в своих тренировочных шортах и выпуклом спортивном лифчике, с наушниками в ушах и смартфоном, пристегнутым к верхней части бедра, как подвязка. Пока она смешивала себе протеиновый коктейль цвета и консистенции бычьей спермы, Джейн Херрон объясняла сыну причины этой новой инициативы. "Говорят, это повышает спортивные результаты, если спортсмен воздерживается", - сказала она ему, с плохо скрываемым вождением разглядывая выпуклость его вялого члена в спортивных шортах. Он тщетно пытался стянуть спереди футболку, оглядываясь вокруг с красным от смущения лицом.

"Мам, я не... Я имею в виду..."

Жужжание блендера прервало его возражения. Наблюдая за тем, как ингредиенты смешиваются в стеклянном кувшине, образуя небрежный беловатый осадок, Джон потерял интерес, поскольку шум и абсурдность ситуации грозили заставить его мозг покинуть голову и полностью выйти из помещения. Неделя и без того была полным бредом - сестра и мать врывались в его комнату, делали неуместные выпады, приставали к нему в душе, клялись склонить его к сексу любым способом, - а сегодняшнее утро быстро становилось вишенкой на вершине этого безумного торга.

Блендер затих, и Джейн Херрон подняла кувшин с подставки одной хорошо натренированной рукой, переливая густую и комковатую массу в высокий стакан. В этот момент на кухню вошла сестра Джона Джен, на которой не было ничего, кроме плюшевого тедди с розовыми кружевами и пушистых розовых тапочек на ногах. Ее неподходящее для завтрака будуарное одеяние только усиливало непристойность пропорций ее тела. Ее груди выпирали по обе стороны смелого декольте с тяжестью, которая грозила содрать с ее тела все одеяние. В семье Херрон уже давно считалось, что не было создано одежды, которая могла бы полностью скрыть их размеры, и Джен, казалось, каждый день стремилась доказать это, одеваясь как можно более непристойно.

"Что ты делаешь на ногах до двух часов дня?" Джон вздохнул, зажав переносицу между большим и указательным пальцами. Это был справедливый вопрос для Джен, которая обычно не спала, трахаясь или покуривая травку примерно до пяти утра каждого утра. Джон сбился со счета, сколько раз он поднимался, чтобы перекусить в полночь, и заставлял ее в гостиной, с горящими глазами, танцующую на коленях для своего вечернего завоевателя. Он уже привык к звукам ее хлопанья по попке и совокупительных стонов, доносившихся из гостиной в его подвальное убежище по воздуховодам кондиционера.

В ответ на его вопрос Джен только сонно зевнула и подошла к стойке, чтобы налить себе миску Froot Loops (Хлопья), повернувшись спиной к Джону, чтобы показать выпуклые щеки своей задницы, которые за пеньюаром со средним покроем, словно два бронзовых шара для боулинга.

Нервный подросток почувствовал, как его член дернулся на бедре. Даже обремененный трусами-боксерами и беговой одеждой, он был в опасности.

"Съешь меня, неудачник", - устало фыркнула Джен, не оборачиваясь, но подняв средний палец, когда она разливала молоко. Ее вытянутый палец с серебряным маникюром, покрытым блестками, был таким же показным, как дубайский небоскреб. "То, что у тебя огромный ослиный член, не значит, что ты можешь лезть в мои дела".

Джон вздохнул. "Ты не должна упоминать о моем... этом... каждый раз, когда мы о чем-то говорим", - ворчал он.

"Джон, - продолжала его мать, не обращая внимания на препирательства брата и сестры. "Исследования показали, что чрезмерная мастурбация может лишить молодого человека стремления и амбиций. Поэтому, когда я говорю, что мастурбация запрещена, я руководствуюсь только твоими интересами". Когда она нацелилась взять напиток, бисеринка пота сползла по одному виску и прочертила лебединую линию шеи, а затем с томной медлительностью опустилась в щедрое декольте.

<http://tl.rulate.ru/book/1303/37057>